

С этим интервью я неожиданно загнал себя в тупик. Дело в том, что о Михаиле Боярском у меня сложилось весьма устойчивое представление за полтора года моей собственной работы под крылом его театра в начале 90-х.

Год назад, когда Михаил Сергеевич Боярский стал доверенным лицом и.о. президента в его предвыборной

Молодожен из «Интимной жизни»

— Миша, вы — актер синтетический, можно сказать, «бродвейский». Во всех жанрах вроде бы успех, и так уже много лет. А вот сегодня, в начале третьего тысячелетия в России, для вас время чего — театра, музыки или кино?

— (Пауза.) Сегодня — время осмысления. Мучительного осмысления, правильно или неправильно и вообще — зачем? — я живу, работаю, мучаюсь... Какого черта это все мне было надо? Может быть, возраст или еще что-нибудь, не знаю. Вроде бы все нормально: есть работа, семья, друзья... инерция колоссальная, а все равно снова пытаюсь разобраться — так все или не так?

— Неожиданно. Может быть, дело в том, что сегодня вы работаете в жанре антрепризного театра?

— Да нет, у нас немного другая история. Я же никогда не принимаю приглашений работать в других антрепризах, более удачных, более денежных... Я, кстати, сейчас безумно много читаю пьес и никак не могу найти что-то, меня полностью удовлетворяющее. Либо это пьесы западных драматургов, сытых и довольных, либо наших, по жизни совершенно неудачливых. Все не то. У меня и с «Интимной жизнью» так было, мне она сначала безумно не нравилась, а потом меня уговорили, и как-то все получилось... О жизни, о любви, о работе... Вот скоро трехсотый спектакль играть будем.

— Почти за тридцать лет работы за вами закрепилось амплуа «костюмного героя». Так или иначе, но д'Артаньян присутствует почти во всех ваших киношных ролях. Не мешает?

— Мне — нет. Если и есть какой-то комплекс на эту тему, то не у меня, а у зрителя. И это понятно, потому что я сам, будучи тоже зрителем, Симонова однозначно воспринимаю Петром Первым, Тихонов — Штирлицем... Так что если зритель Боярского воспринимает

д'Артаньяном, то это не самая плохая позиция. Хотя в жизни я — совсем не д'Артаньян.

— А что сейчас в кино происходит с «костюмным» фильмом?

— Ну... сериалы там всякие. Я этого жанра совершенно не принимаю и не понимаю, как можно смотреть такое длинное кино с растянутой фабулой, с неестественно долгими экспозициями... хотя я знаю, есть люди, которым это безумно нравится. Я и сам снимался в таких: «Графиня Монсоро», «Королева Марго»...

— А на чем актер вашего уровня и амплуа сейчас может делать деньги? Это театр, эстрада или кино?

— Ну в театре деньги довольно маленькие. В кино иногда вообще бывает без денег. Музыка — тоже нет, реклама слишком дорогая. Скорее всего это разовые выступления. Презентации, юбилеи... даже дни рождения иногда, когда банки гуляют, концерты, крупные фирмы. Их у нас сейчас много развелось. Если они там артиста знают, то довольно большие деньги платят за выступление. Многие артисты сейчас этим живут, а остальные на все готовы, чтобы остаться «на плаву». Любые фильмы, антрепризы, реклама всякая... Мне это просто не нужно, я имею возможность выбирать, что мне делать.

— А «Зал ожидания»?

— (Усмешка.) Ну, об этом я вообще не хочу говорить. Меня тогда лично Благословин уговаривал. Мне это польстило, и к тому же я поддался на блестящий ансамбль актеров: Ульянов, Тихонов... Я думал, что это спасет плохую драматургию и слабую режиссуру. Не спасло. Я сегодня безумно об этом жалею и с этим режиссером работать больше не буду никогда.

— Можно оставить в интервью эту фразу, ведь Астрахан сейчас «на взлете»?

— Да оставляйте, ради Бога.

кампании, оно изменилось. Во время нашей беседы это представление приобрело новые черты, а вечером того же дня, на спектакле «Интимная жизнь», оно претерпело уже третью метаморфозу.

Прошло несколько дней, но я по-прежнему не могу понять, какого из этих представлений я придерживаюсь сегодня!

— Миша, я вам сейчас задам вопрос довольно некорректный, но, пожалуй, вы единственный артист, который сможет на него ответить по-мужски: вы готовы к тому, чтобы в обозримом будущем стать бывшей звездой? То есть когда еще кое-как помнят, но уже не очень приглашают?

— (Без всяких раздумий.) Готов. Всегда был готов. К тому же я никогда не чувствовал себя звездой. Для меня нет слова «звезда», это что-то непонятное и промежуточное: есть просто артисты и такие артисты, которые выше понятия звездности, у них есть Имя. Раневская, например, никогда не была звездой, но всегда была, есть

понятию в традиционном смысле, то творческая интеллигенция Петербурга находится в некоей растерянности. Город потерял свой статус, у нас нет телевидения, почти нет кино. Все бегут в Москву, только там рассчитывая реализовать свои возможности, а здесь все становится более и более провинциальным. Конечно, есть исключения, есть блестящие дарования — Фрейндлих, Басилашвили... в Кировском театре, безусловно, Гергиев, но общая тенденция очень печальна. Мы перестали быть культурной столицей в прежнем понимании этого слова, и виновата в этом в определенной степени творческая интеллигенция.

Михаил БОЯРСКИЙ:

УМОМ — С БОГАТЫМИ, СЕРДЦЕМ — С НАРОДОМ

и будет Раневской, даже когда ее не снимали. Даже сейчас, когда ее нет! А понятие «звезды» нужно для тех, кто делает не очень чистые деньги на искусстве. Это даже не искусство, все хотят просто удивить зрителя, как в балагане. Такой парад аттракционов: этот — рок-звезда, эта — поп-звезда, этот — голый, этот — негр, этот — голубой... Но этим, кстати, в шоу-бизнесе уже никого не удивишь. Это я, выходя на эстраду, отношусь уже скорее к секс-меньшинству... Но все равно все ищут в этом направлении. А меня всегда поражал Высоцкий: он никогда ничем не стремился удивить, он во всем просто доходил до сути. И в роли, и в песне. Вот к этому должен стремиться каждый артист. А удивлять обывателей мне не интересно, для этого... ну я могу пойти в цирке выступать и ведь соберу полный зал!

— А в какой из своих ролей вы дошли до самой сути?

— (Пауза.) Таких нет. Хочется надеяться, что еще нет. Ближе всего подошел в Тартюфе, но потом пошли совсем коммерческие работы, и я сбился.

— Миша, а как поживает музыка, группа «Сильвер»? Концертов много?

— Да боже мой, нет, конечно. Это же все просто для себя, для удовольствия! Сейчас подобное мероприятие безумно невыгодно: группа работает живьем, полно аппаратуры, чтобы окупить выезд, нужно колоссальную рекламу на телевидении давать, а я считаю, что в наших условиях просто грешно платить деньги за эфир.

— Давайте сменим тему. Вот творческая интеллигенция...

— Я настороженно отношусь к этому слову. Умные люди Петербурга не очень любят называть себя интеллигенцией. Дмитрий Сергеевич Лихачев, как мне помнится, такого слова в отношении себя не употреблял. Ну а если подходить к этому

— Вы начисто отрицаете прозвучавшее недавно утверждение, что он — человек очень закомплексованный?

— Начисто. Для меня — это тонкий, уравновешенный политик и очень порядочный человек. А кроме того, для меня понятно, чего он добивается. Я в свое время совершенно не мог понять, о чем говорит Горбачев, довольно витиевато и непонятно определял свои цели Ельцин... Ну про Брежнев вообще можно не говорить. А здесь — все понятно, определенно.

— Можете ли вы, лично зная нашего президента, хотя бы на интуитивном уровне объяснить его стратегию в отношении олигархов? Почему «равноудаление от вертикали власти» столь избирательно?

— (Длинная пауза.) На чисто интуитивном уровне могу сказать, что наш народ богатых людей вообще не любит, справедливо полагая, что начальный капитал не может быть заработан честным путем. В этом вопросе, кстати, я умом — с богатыми, а сердцем — с народом.

Трудно объяснить, но это так. Что же касается Владимира Владимировича, то он совершенно четко обозначил начало борьбы со всеми злоупотреблениями. Думаю, что дальше эти действия коснутся всех без исключения, но произойдет это постепенно, в полном соответствии стратегии борьбы с умным и хитрым противником. А оспаривают эти действия те журналисты, которые подчас получают такие деньги, что никаким звездам эстрады не снились.

— (Теперь моя долгая пауза.) Миша, тогда вопрос из области фантастики. От Конфуция до де Голля умные люди говорили, что сильному

должен быть за царя и Отечество.

— Но оппозиция необходима, вы согласны?

— Безусловно, но она должна быть благородной, без злословия, без грязи. Нужно уметь стреляться, но при этом не хамить.

— Вы — «державник»?

— Безусловно. Я за сильное государство. Еще Александр Сергеевич говорил: «Я могу любыми словами ругать свою Россию, но, не дай Бог, какой-то иностранец скажет что-нибудь подобное — голову оторву!» Равно как и сегодня: есть у нас огромное количество вещей, по поводу которых я могу ругаться, но мне крайне обидно, когда в наши дела лезут американцы, а кто-то им подкакивает! Кстати, любой американец перед домом на лужайке выставляет свой флаг, а у нас этого не делает никто!

— Миша, а что лично вам с вашим мировоззрением мешает вывесить российский флаг из вашего окна?

— (Длинная пауза.) Не знаю. Но вы правы, не вывешу. Наверное, буду бояться, что скажут: Боярский выделяется напоказ. Хотя болеть за «Зенит» я хожу в традиционном шарфе и не стесняюсь этого. Очень бы хотелось, чтобы и с флагом традиция образовалась. Я безумно люблю, когда народ объединяется, мне очень надоело, что у нас в обществе все время есть разделение: одни — за что-то, другие — против. Вот как с НТВ.

— А с гимном?

— Да, и с гимном! Ну пусть не всем нравится, но здесь просто необходимо наступить себе на горло, чтобы объединиться!

— А вам нравится?

— Очень!

— Можете процитировать хотя бы четыре любые строчки?

— (Пауза.) Новые — нет. Старые — пожалуйста, хоть целиком. Новые я просто нигде не смог прочесть: ни в газете, ни в брошюре, но думаю, что этот пробел я рано или поздно устраню. А музыка очень хорошая!

— А мечта у вас есть?

— В жизни — чтобы мы как народ наконец объединились. А в работе... все просто и банально: я хочу сыграть очень хорошую роль у очень хорошего режиссера, и чтобы при этом не заниматься другими проблемами — организацией, поиском денег...

— Миша, есть ли какой-нибудь вопрос, который вам журналисты еще не задавали, а вам хотелось бы на него ответить?

— (Пауза, закуривает.) Есть. Меня все, да и вы тоже, спрашивают об актуальном... А мне бы хотелось — о вечном! (Занавес.)

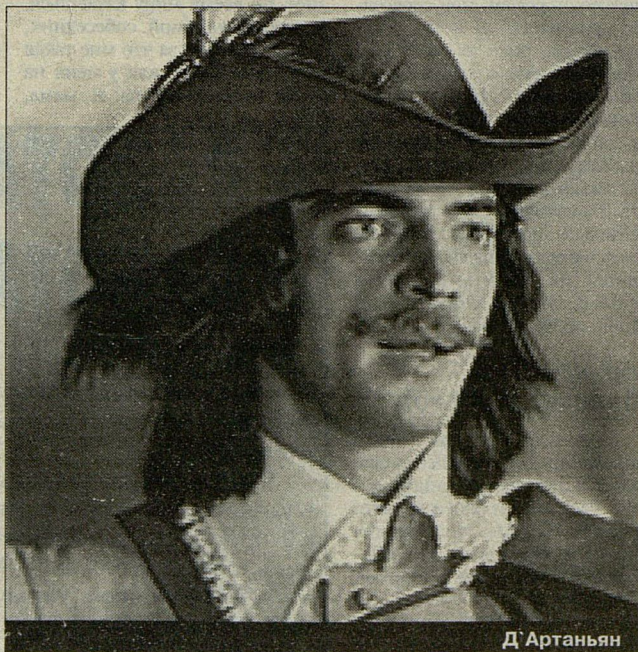
И вот через несколько часов после этого странного разговора я смотрю спектакль «Интимная жизнь» в театре «Бенефис», том самом, где еще пару лет назад без дела валялась моя трудовая книжка.

Ну и ничего глубокого нет в этой пьесе Кауэрда: бесхитростная комедия положений — самый выгодный материал для антрепризного театра. Актеры милы, режиссура крепка, но как-то без революций. В общем — ничего особенного...

Но на четвертой минуте спектакля вдруг пронзает ощущение: господа, ведь это же про меня! Про мою непутевую жизнь, и именно меня сегодня на сцене играет Михаил Боярский!

Так что же, значит, есть ответ на вопрос о вечном?

● Беседовал
Сергей МИРОВ

Д'Артаньян

добиваться результатов. Очень уравновешенный человек, на это повлияли, видимо, и спортивные достижения.

(Тут мне очень захотелось задать вопрос, на каком этапе знакомства естественное для того времени обращение «Володя» трансформировалось во «Владимир Владимирович», но почему-то я его опустил и задал совсем другой.)

политику просто необходима оппозиция. Просто для нормального развития общества. Вот если бы вам как своему доверенному лицу президент каким-либо образом доверил возглавить такую оппозицию, вы бы согласились?

— Я бы отказался. У дворян, а я имею право себя к ним отнести, есть принцип: честь короны не тронь. Если я — при дворе, то я

Боярский Михаил

13.05.01